

ВАНЕССА КЕЛЛИ

Как выйти замуж
за шпана

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К34

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kelly Vanessa

HOW TO PLAN A WEDDING FOR A ROYAL SPY

Перевод с английского *М.В. Келер*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp. и
литературного агентства Andrew Nurnberg.

Келли, Ванесса.

К34 Как выйти замуж за шпиона : роман / Ванесса Келли ; [пер. с англ. М. В. Келер]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-094767-6

Капитан Уильям Эндикотт, отличившийся в битве при Ватерлоо, получает от своего отца Фредерика, герцога Йоркского и Олбани, секретное задание: он должен раскрыть группу заговорщиков, врагов короны. Уильям приезжает в поместье семейства Риз, чтобы провести расследование, и встречается с их дочерью Эвелин. Возлюбленные расстались несколько лет назад при не очень приятных обстоятельствах. У Эвелин пробуждаются прежние нежные чувства, но сердце Уильяма хранит страшную тайну.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Vanessa Kelly, 2015
© Перевод. М.В. Келер, 2016
ISBN 978-5-17-094767-6 © Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

18 июня 1815 года
Ватерлоо

Смерть вцепилась когтями в его сапог.

Протерев глаза от песка и пота, капитан Уильям Эндикотт, по прозвищу Волк, увидел человека, лежавшего у его ног. Это был французский кирасир, один из офицеров элитной роты кавалерии Бонапарта. Когда Уилл только прыгнул со своего коня, стараясь не наступить на сплетение мертвых тел, он решил, что офицер мертв. Битва словно волной сбила тела в кучу — та самая безжалостная битва, что прорвала непробиваемое каре британской пехоты.

Да, кавалерист, лежавший ничком на мокрой земле, был еще жив, и рукой в перчатке отчаянно цеплялся за ногу Уилла.

Выругавшись сквозь зубы, Уилл вытащил из ножен саблю и осторожно толкнул офицера мыском сапога. Француз дернулся, как будто его ударили, а затем зашелся в кашле, пытаясь выплюнуть грязь, забившую рот.

Святой Иисусе!

Бедолага, явно получивший серьезные ранения, был не в состоянии двигаться и тонул в жидкой грязи после проливного ночного дождя, доходившей почти до лодыжек. Его глотка наверняка забита кровавым комом и еще бог знает чем.

Долгие часы бесконечного яростного боевого противостояния привели Уилла в бесчувственное состояние.

Он видел, как сотни людей и лошадей взлетали на 3

воздух, были затоптаны или разрублены на куски на поле брани, и этот умирающий человек тронул его сердце. Уилл опустился на колени рядом с раненым кирасиром, повернул того на бок и постучал ему по спине, помогая откашлять отвратительную черную массу. Когда раненый смог дышать, Уилл осторожно перевернул его на спину.

Офицер открыл затуманенные глаза, полные боли и ожидания приближающейся смерти. Из раны в его груди сочилась кровь, пропитывая узнаваемую, цвета красного вина, форму 13-го французского полка. Правда, сейчас цвет формы был почти не различаем под слоем грязи.

Потрескавшиеся губы офицера чуть приоткрылись, и он прошептал:

— Merci, monsieur*.

Уиллу казалось, что он уже не в состоянии испытывать какие-либо чувства — ярость или сожаление, например, и даже его печаль, похоже, оказалась погребена под изуродованными телами его бесчисленных друзей и людей, которых он знал многие годы. Важно было только выжить и делать то, что приказывал его командир. Но сейчас чувства словно пробудились и поднялись черной волной из глубины души, угрожая сдавить горло. Нет, ярость вызвал не офицер, лежавший у его ног, он не видел в нем врага, с которым так отчаянно бился целый день. Он ясно и мучительно представил себе одинокую смерть этого человека, солдата, который всего лишь выполнил свой долг, как и другие несчастные души — англичане, шотландцы, французы, пруссаки. Они всего лишь выполняли приказ сражаться с противником до полного его уничтожения. И страшно было осознавать, какой ценой это делалось.

Француз вновь закашлялся, и кровь хлынула из его горла. Он еще раз попытался вдохнуть, но вскоре затих, а его взгляд остановился и остекленел. Уилл опустил ему веки, а затем устало поднялся на ноги, стараясь отогнать от себя тревожные мысли, вызванные смертью вражеского офицера.

У него закружилась голова. Он попытался убедить себя, что это всего лишь страшная усталость, нехватка питья и

еды, долгие дни постоянного напряжения и пренебрежительное отношение к физическим потребностям. Уилл и раньше участвовал в сражениях, а также вел опасную разведывательную работу на Пиренейском полуострове. И делал он это, почти не испытывая страха и сомнений в необходимости этой работы. Но в данный момент произошел какой-то грандиозный психологический сдвиг, который угрожал изменить его мироощущение. Перед ним словно разверзлась бездна — темная, полная неизвестности.

Уилл потрепал по гриве своего боевого коня, прислонился к верному другу, наслаждаясь его животной силой и даже едким запахом лошадиного пота. Казалось чудом, что на поле смерти рядом с ним находится живое существо.

«Черт возьми, глупец, возьми же себя в руки!»

Сейчас не время терять голову, словно ты неопытный новобранец. Отступление Наполеона превратилось в разгром его армии, и союзническая кавалерия перегруппировывалась, чтобы преследовать его войска. Уиллу нужно было как можно скорее найти солдат, оставшихся от его полка, и присоединиться к ним. Во время боя он без отдыха курсировал между полками, передавая приказы Нельсона командирам. Под ним застрелили двух коней, а его правая рука адски болела от напряжения — он безжалостно размахивал саблей в гуще французской пехоты. Уилл стал одним из тех немногих счастливчиков, которым удалось выжить, получив всего лишь несколько порезов, небольшую рану на спине и удар по голове, когда его выбросило из седла взрывной волной.

Ну а поскольку он выжил, то настало время найти то, что осталось от 1-го Королевского драгунского полка, и вернуться к своим обязанностям. Союзническая бригада — три кавалеристских полка, включая 1-й королевский, — понесла вчера огромные потери в первой кровопролитной атаке, были убиты и несколько офицеров. Майор Дорвиль, полковой командующий Уилла, будет искать его, чтобы он помог собрать подразделение и не дать врагу передышки во время бегства.

Уилл спокойно переждал у дороги, по которой тащился полк стрелков, точнее то, что от него осталось. Когда полк прошел мимо, Уилл уже собрался вскочить

в седло, как вдруг знакомый голос окликнул его. Уилл повернулся и поднял руку, приветствуя офицера, галопом подъезжающего к нему на черном боевом коне. Он почувствовал невероятное облегчение.

Это был его друг Алек — крепкий молодой шотландец в забрызганной грязью форме «Черной Стражи» — Королевского шотландского 42-го пехотного полка. Понятное дело, капитан Алистер Джилбрайд прибыл в театр военных действий прямо с бала у герцогини Ричмонд, чтобы присоединиться к своему полку в Катр-Бра. Сорок второй шотландский полк сильно пострадал в битве, но все же умудрился совершить быстрый марш-бросок к деревне Ватерлоо, где пехота отлично показала себя. Но ряды полка существенно поределели, и Уилл потерял Алека из виду. Он тихонько прошептал благодарственную молитву, что его другу удалось уцелеть.

Спешившись, шотландец заключил Уилла в крепкие объятия, похлопывая по спине. Алек иногда весьма экстравагантно проявлял эмоции. Уилла трудно было назвать щедушным человеком, но его друг поистине обладал крупным телосложением. Лишь немногие способны были одолеть в драке этого широкоплечего воина. Но, как ни странно, для человека его комплекции Алек был удивительно стремителен и ловок и мог стать причиной гибели многих французов. Один из самых успешных шпионов Веллингтона, он стал компаньоном Уилла в нескольких военных миссиях на Пиренейском полуострове.

Как и Уилл, Алек был одним из незаконнорожденных сыновей английского принца. Уильям и Алистер были кузенами, которых свели вместе общие интересы и обязанности, а также тот факт, что статус королевских бастардов временами отделял их от приятелей-офицеров и прочих членов светского общества. Уилл уже давно научился игнорировать перешептывания сплетников, хотя грубые и жестокие насмешки порой больно ранили его. Но этого нельзя было сказать об Алека. Тот в ответ на издевательские намеки о его сомнительном происхождении нередко вступал в драку. Уилл пытался убедить брата, что на самом деле не так уж важно, о чем судачат у них за спиной, но втайне тоже болезненно переносил сплетни.

А после ужаса сегодняшней битвы их родословная, похоже, вообще перестала иметь какое-то значение.

— Боже, я так рад, что ты все еще месишь эту грязь, Волк, — пошутил Алек, выпуская кузена из объятий. Усталость и тревога усилили его обычно легкий акцент, и теперь речь Алека полностью выдавала в нем горца. — Я не видел тебя с тех пор, как ты кубарем слетел с коня во время последней огневой атаки. Я попытался добраться до тебя, но у меня на пути встал чертов гвардейский полк Наполеона.

— Мне повезло во время той атаки — я получил только удар по голове, — объяснил Уилл. — Мне понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя, но я успел до начала адской перестрелки. А два уэльских стрелка оттащили меня в сторону от опасного места. — Уилл оглядел драную форму кузена с оторванным эполетом и разорванными в клочья манжетами. — Если не считать мундир, у тебя не такой уж истерзанный вид.

Взгляд Алека упал на мертвого француза у их ног. У дороги лежали десятки мертвых вражеских тел. Алек посмотрел Уиллу в глаза.

— Да, мне тоже сопутствовала удача. У меня едва ли найдется пара царапин, и это настоящее чудо, учитывая, какими были несколько последних дней.

Судя по тону Алека, он не испытывал к судьбе особой благодарности. И это было понятно, принимая во внимание те потери, которые понес полк «Черная стража» в многочисленных сражениях. Уилл понимал, что через некоторое время чувство вины начнет преследовать их обоих. Вины за то, что они выжили там, где остальные погибли.

Несколько минут кузены молча смотрели на поле брани, наблюдая на расстоянии за хаотичным отступлением французских войск, которые бежали в сторону Шарлеруа*, преследуемые по пятам британской кавалерией. То, что когда-то было фермерскими угодьями, нежными зелеными долинами и полями зреющей ржи, превратилось в кошмарную картину — искалеченные трупы людей и лошадей, прежде чудесный пейзаж стал прибежищем смерти. И лишь одно-

* Шарлеруа — бельгийский город.

му богу известно, сколько солдат еще дышало. Получившие ранения, лишившие их способности самостоятельно двигаться, они могли лишь покорно ждать помощи, которая, возможно, не прибудет никогда.

— Это сделал не Пиктон*, — сказал Уилл. — Во время атаки корпуса д'Эрлона** ему досталось.

— Я слышал об этом, — кивнув, мрачно произнес Алек. — И Гамильтону тоже, а также Хэю, Бруденеллу Форбсу и Гордону. Я даже не могу подсчитать всех остальных.

— Господи, какое несчастье! — проворчал Уилл. При мысли о юном Хэе ему стало нестерпимо горько — парнишке едва исполнилось восемнадцать, у него еще молоко на губах не обсохло.

— По крайней мере мы одержали эту чертову победу, однако сейчас нам лучше поспешить, если хотим помочь нашим. — Алек указал на беспорядочное движение солдат и лошадей. Быстро опускались сумерки, накрывая поле брани длинными тенями. — Не хочется мне преследовать императорскую гвардию Бони в темноте, Волк. Только через мой труп.

Уилл кивнул. Они должны выполнить свой воинский долг, несмотря на смертельную усталость.

Они вскочили на коней, Алек был мрачен, его серые глаза пригасила печаль. Казалось, он хотел о чем-то спросить Уилла, но не решался. Уилл вопросительно поднял брови, словно давая понять другу, что готов ответить на его вопрос.

— Думаешь, все это того стоило? — наконец спросил Алек, невольно начиная говорить с более сильным акцентом. — После нынешних событий, как ты считаешь, осталось ли хоть что-то, о чем стоит сожалеть? Будет ли судьба и в дальнейшем благосклонна к нам? — пояснил он. — К нам двоим?

— Все будет хорошо, — сурово и твердо сказал Уилл. — После того что мы пережили за последние шесть лет, нас ничем не испугаешь, черт побери!

* Томас Пиктон (1758–1815) — командир сводного англо-голландского корпуса. В сражении при Ватерлоо был смертельно ранен.

** Жан-Батист Друэ д'Эрлон (1765–1844) — маршал Франции.

Глава 1

*Август 1815 года
Лондон*

Расплатившись с кучером, Уилл вышел из наемного экипажа. Он стоял у солидного особняка на Аппер-Уимпол-стрит. За последние четыре года он побывал в доме сэра Доминика Хантера трижды, приезжая в Лондон по приказу герцога Веллингтона, чтобы передать секретные сведения могущественному куратору шпионской группы. Доминик принял Уилла в секретный отдел, а перед этим оказал содействие в переводе в штаб герцога, где Уилл научился разбираться в картах, обрабатывать разведданные, работать с местным населением и умело замечать следы.

Доминик привлек и Алистера, переведя его из Королевского шотландского пехотного полка в штаб Веллингтона. Алек идеально подходил для работы в секретной миссии. Он бегло говорил по-французски и по-португальски, прекрасно разбирался в схемах и чертежах не хуже иного инженера, да и вообще был изобретателен, как сам дьявол. Сэр Доминик пожелал, чтобы Уилл и Алек участвовали в совместных операциях, так же как и прочие офицеры разведки, сотрудничали с гверильясами, испанскими ополченцами, знавшими местность и разбиравшимися в перипетиях местной политики. Веллингтон разрешил сотрудничество Уилла и Алека.

Почему Доминик так настаивал на сотрудничестве кузенов, оставалось загадкой, но куратор шпионов был известен своим неизбывным интересом к жизни незаконно-рожденных отпрысков особ королевской крови.

Аден Сент-Джордж, например, бывший капитан королевских драгунов и один из лучших разведчиков Доминика, был незаконным сыном принца-регента. Так что едва ли три бастарда были наняты на английскую шпионскую службу случайно. Уилл догадывался, что Доминик лелеял тайный замысел, касающийся Алека, Адена и его самого.

Понятное дело, с окончанием военных действий влияние сэра Доминика пошло на убыль. Не надо больше агентам, крадучись, пробираться на позиции противника, передеваясь в грязную одежду для маскировки, и участвовать в рискованных операциях, которые при провале вполне могли привести Уилла во французскую тюрьму. Нет, с этим покончено. Теперь у Уилла иные цели — и эти самые цели уже не предполагают его участия в активной шпионской деятельности. Да, во время войны отпрыски хороших семей служили в секретной разведке, но в мирное время это едва ли можно было бы считать достойным занятием для офицера и джентльмена.

А Уилл хотел жить достойно и сделать карьеру, которая позволила бы ему забыть о позорном происхождении и весьма скромном финансовом положении. А для этого он должен забыть раз и навсегда свою прошлую жизнь.

Уилл очнулся от невеселых размышлений — мимо него продефилировали две женщины средних лет, загораживая большую часть тротуара зонтиками от солнца. Одна из них прошипела что-то нелестное о «солдафонах с плохими манерами». Уилл поспешно отступил в сторону, потому что кончик спицы одного дурацкого зонтика с оборками чуть не выколол ему глаз.

Дама постарше бросила на него испепеляющий взгляд, но Уилл вежливо прикоснулся рукой к шляпе и ответил своей самой обаятельной улыбкой. Фыркнув, дамочка довольно громко, так, чтобы он услышал, обозвала его фатом. Уилл едва удержался от смеха. Господи, как же хорошо снова оказаться в Англии! Самая большая опасность, которая его тут подстерегала, — это укол зонтиком и осуждающий взгляд светской дамочки.

Уилл легко взбежал по ступенькам к дверям дома Доминика и взялся за дверной молоток. Дверь тут же

распахнулась. Пожилой мужчина, бывший местный агент Доминика, который теперь служил в доме, забрал у Уилла шляпу и перчатки. Он передал Уилла Ситуэллу, дворецкому, который появился словно по волшебству.

— О, Ситуэлл, я вижу, вы не оставили свою привычку появляться незаметно, — заметил Уилл, поддразнивая надутого от важности типа.

— Нет, такие вещи уже не для меня, капитан Эндикотт, — отозвался Ситуэлл с производящим впечатление пренебрежением. Ситуэллу явно нравилась роль чопорного дворецкого. А ведь раньше он был одним из самых ловких тайных агентов. — Сэр Доминик просит вас соблаговолить подождать в гостиной. Он скоро вас примет.

Уилл вздохнул: он знал, что ожидание может затянуться. Сэру Доминику нередко приходилось, бросив все дела, заниматься каким-нибудь срочным заданием, и он был не из тех людей, которых можно поторопить. Как бы там ни было, предстоящая встреча, скорее всего, станет пустой тратой времени, потому что ему попытаются навязать новое задание. На самом деле Уилл принял решение объявить сэру Доминику о своей отставке, он выходит из шпионской игры раз и навсегда.

Ситуэлл проводил Уилла в гостиную, окна которой выходили в небольшой сад. Переступив порог, Уилл замер удивленный. Он бывал в этой гостиной и помнил строгую обстановку в серо-голубых тонах. Теперь комната просто ошеломляла — желтые обои, красно-желтые портьеры в полосу на окнах. Старая добротная мебель уступила место диванчикам, пуфикам и креслам, обитым невероятно пестрой цветастой тканью. Ощущение было таким, словно окна распахнули, и летний сад шагнул в комнату. Праздничный эффект усиливался благодаря изящным вазам с желтыми розами: две вазы стояли на каминной полке, а еще одна — на круглом столике у окна.

Эта гостиная настолько дисгармонировала с характером Доминика — человека угрюмого, что Уилл засмеялся.

— Это больше похоже на дамский будуар, не так ли? На первый взгляд можно решить, что сэр Доминик лишился рассудка.

Уилл повернулся, услышав знакомый голос, и увидел своего кузена, который лениво приподнялся из кресла с подголовником, которое стояло в алькове, заставленном книжными шкапами.

— Алек! А я-то думал, что ты еще находишься в своем полку в Париже, — обрадовался Уилл.

В отличие от Уилла, который вместе со своим отрядом последние несколько недель преследовал остатки наполеоновской армии, Алек дошел маршем до Парижа с оккупационными войсками.

— Да уж... — Алек вздохнул. — Мне пришлось нелегко, пока ты развлекался на границе. И я завидовал тебе, счастливчик!

Уилл презрительно фыркнул:

— Да, уверен, что Париж стал для тебя настоящей пыткой.

Можно не сомневаться, что Алек не упустил возможности попойнствовать и поразвратничать в парижских заведениях. Где бы он ни находился, буквально все женщины были у его ног. Уилл не раз был вынужден спасать шкуру кузена, вытаскивая его из очередной передраги, прежде чем чей-нибудь разъяренный папаша или муж погонится за ним с дробовиком, мушкетеном или, как это случилось однажды, с мачете.

Алек понимающе усмехнулся, но наживку не заглотил.

— Когда ты приехал в Лондон?

— Только вчера, хотя в Англии уже несколько недель. Я навещал тетю Ребекку в Гемпшире — хотел узнать, как она поживает после кончины моего дядюшки.

Уиллу все еще трудно было поверить в смерть дяди Филиппа, и он очень переживал, что не смог попасть в Англию на его похороны.

Уилла, внука баронета, отдали на попечение его дяде Филиппу Эндикотту вскоре после появления малыша на свет. Дядя Филипп был преуспевающим джентльменом. Он вел необременительную жизнь в графстве Гемпшир со своей женой Ребеккой. У них не было детей, поэтому они с радостью приняли Уилла, воспитывали его как сына и старались замять скандал, вызванный его рождением.

Поскольку мать Уилла умерла, когда ему еще не было и года, дядя с тетей стали его родной семьей. Отец Уилла, герцог Фредерик Йоркский и Олбани, обратил на сына внимание, когда тому исполнилось шестнадцать лет, однако никто не мог заменить ему дядю Филиппа.

— И как же поживает твоя тетушка? — поинтересовался Алек.

Уилл пожал плечами.

— Неплохо, — ответил он. — Получилось так, что племянник дяди Филиппа унаследовал его имущество и особняк, но тетя достаточно обеспечена. Ей достался дом в окрестностях Бейсингстоука, там же живут и ее сестры.

Алек нахмурился.

— А ты как же? Дядя оставил распоряжения насчет тебя или послал на все четыре стороны?

Уилл кивнул на стоявший возле камина столик на колесиках, заставленный графинами.

— А не выпить ли нам? — предложил он. — Похоже, придется некоторое время подождать сэра Доминика, так что я хотел бы составить тебе компанию.

Уилл плеснул в хрустальный бокал спиртного, которое оказалось отменным коньяком. Сэр Доминик время от времени баловал себя французской контрабандой.

— Кстати, — вновь заговорил Уилл, желая увести неприятную тему о его финансовом состоянии в сторону. — Что за чертовщина приключилась с сэром Домиником? — Уилл указал на яркую обстановку гостиной. — Эта меблировка явно не в его стиле.

Алек, прищурившись, посмотрел на Уилла, явно раздумывая о том, не продолжить ли беседу о его нынешней финансовой ситуации. Правда, в этом мало смысла, да и говорить особо не о чем. Хотя дядя Филипп и обеспечил его некоторым достатком, это едва ли позволило бы Уиллу вести жизнь, достойную джентльмена. Во всяком случае, джентльмена, который живет в Лондоне или мечтает продвинуться в своей военной карьере.

— Сэр Доминик недавно женился. Ты разве не слышал? — Насмешливый взгляд Алека ясно давал понять, что его не обманула уловка друга.

— Я всегда думал, что он женат на своей работе, — ответил искренне удивленный Уилл. — И кто же эта счастливица?

Алек загадочно улыбнулся.

— Понятия не имею, да и признаться, это меня не интересует. А твое явное нежелание говорить о своем финансовом положении, которое, конечно, весьма плачевно для человека твоего уровня, заставляет предположить, что дядя ничего тебе не оставил, — произнес он. — Неужели все до последнего пенни отошло его чертовому племяннику?

— Он сделал все, что мог, но бóльшая часть его поместья связана либо майоратом, либо брачным контрактом моей тетушки.

Алек принялся браниться, но Уилл поднял руку. — Дядя Филипп был более чем щедр, и то, что он мне оставил, может экономно жить до тех пор, пока я не продвинусь по службе или не получу место в одном из министерств.

Вздохнув, Алек опустил на хрупкий на вид стул. Тот угрожающе затрещал под его внушительным весом.

— Я хочу, чтобы ты позволил мне помочь тебе, приятель. Поверь, у меня денег больше, чем мне требуется.

«Больше, чем требуется» — это слабо сказано. Алек получил в наследство богатое шотландское графство и графский титул. Мать Алека, давно умершая к моменту происходящих событий, была единственной дочерью графа Риддика. После короткого романа с герцогом, который оставил ее, она покорно вышла замуж. Так что наряду с графским титулом Алек получил еще и щедрое содержание, которым он и решил поделиться с Уиллом. Но тот не спешил принять благотворительную помощь кузена, потому что не хотел быть никому обязанным.

— Ты же знаешь, что я не приму твое предложение. — Уилл качнул в бокале янтарную жидкость, прежде чем сделать очередной глоток. Друг заговорил о помощи уже не в первый раз, и ответ Уилла всегда был одинаков.

Алек не стал скрывать разочарования:

— Что ж, тогда не вини меня, если окажешься в рабочем доме, — сказал он.

14 Уилл рассмеялся.

— Не буду, — пообещал он. — Почему бы нам теперь не сменить тему?

— Да как пожелаешь!

Добродушный тон Алека не смог обмануть Уилла.

— Слушай, а в Гемпшире ты случайно не захаживал к кому-нибудь из местного дворянства?

Боже! Его кузен неисправим!

— У меня не было времени, — бросил Эндикотт.

Алек с наигранным изумлением приподнял брови.

— Ты не смог выделить ни минуты, чтобы навестить старых друзей? Мне трудно в это поверить.

— Нет уж, поверь, — произнес Уилл. В его голосе прозвучали предостерегающие нотки.

Само собой, Алек не обратил на это внимания.

— Как жаль, что у тебя не нашлось времени нанести визит старым друзьям, виконту и леди Риз. У них ведь, кажется, есть дочери? По-моему, ты упоминал, что они близнецы?

Поставив бокал на смешной хрупкий столик, Уилл прислонился плечом к камину.

— Ты что, нарываешься? Я ведь могу и разозлиться.

Алек недоверчиво хмыкнул.

— Ага, давай, посмотрим, что у тебя выйдет, — отозвался он. — Нет, я с этой темы не слезу. Вернемся к милым дочкам семейства Риз, ты не планируешь увидеться с ними? Мне кажется, что к одной ты не безразличен...

— Боже мой, друг! Ты видел сестер лишь один раз, на военном параде, причем они были от тебя довольно далеко. С тех пор прошло три года! Ты и понятия не имеешь о том, как они выглядят сейчас!

Чувствуя, что Алек прилип как репей, Уилл всерьез подумал о том, чтобы выволочь кузена в сад и врезать ему разок. Ему не хотелось обсуждать ни свое финансовое положение, ни мисс Эвелин Уитни, свою детскую сердечную привязанность. Кто не был в юности увлечен прелестной девушкой? Уилл не исключение. Он не любил вспоминать об этом, но все же Алек прекрасно знал, как он относится к Эви. Но все это было в прошлом, и к чему вспоминать то, что давно кануло в вечность?